

К вопросу о правомерности правопреемства государств

С. Ю. Гаркуша-Божко

Российский научный центр «Прикладная химия (ГИПХ)»,
Российская Федерация, 193232, Санкт-Петербург, ул. Крыленко, 26А

Для цитирования: Гаркуша-Божко, Сергей Ю. 2022. «К вопросу о правомерности правопреемства государств». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 696–711. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.307>

К Постановлению Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П приложено мнение судьи К. В. Арановского, в котором он охарактеризовал Советский Союз как «незаконно однажды созданное государство» и призвал не считать Российскую Федерацию правопреемником СССР. Тем самым судья затронул сферу правопреемства государств, регулирование которой относится к предмету международного, а не конституционного права. В частности, К. В. Арановский затронул проблему правомерности правопреемства. Соответствующие положения о правомерности включены и в существующие международные договоры о правопреемстве государств — в Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. и в Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г., а также в Статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств (Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) № 55/153 от 12.12.2000). Проблема правомерности правопреемства также освещена во Втором докладе специального докладчика Комиссии международного права ООН Павла Штурма (Pavel Šturma) по вопросу правопреемства государств в отношении ответственности за международно-противоправные деяния. Исследование данного вопроса актуально, поскольку положения о России как о правопреемнике СССР предложены в качестве одной из поправок к Конституции РФ, которые российскому народу предстояло одобрить на общероссийском голосовании. В целях правовой оценки важности правомерности правопреемства государств важно проанализировать историю закрепления соответствующих положений в существующих международных договорах, а также проанализировать международно-правовую практику по данному вопросу. Это исследование позволит оценить обоснованность как мнения судьи К. В. Арановского, так и соответствующей поправки к Конституции РФ.

Ключевые слова: правопреемство государств, правомерность правопреемства, правопреемство Российской Федерации, правопреемство в отношении ответственности, универсальное правопреемство, обязательства *ex delicto*, теория материального замещения, негативная теория.

1. Введение

В конце 2019 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление от 10.12.2019 № 39-П по делу о проверке конституционности положений ст. 13 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», п. 3 и 5 ст. 7, п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 8 Закона

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой¹ (далее — Постановление № 39-П). К указанному Постановлению было приложено мнение судьи К. В. Арановского, в котором он высказался по поводу правопреемства Российской Федерации в отношении Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Указав на «незаконность» правопреемства России в отношении СССР, К. В. Арановский затронул международно-правовую проблему правомерности правопреемства. Чтобы оценить обоснованность его заявления, необходимо проанализировать эту проблему с точки зрения международного права, что и будет сделано ниже.

2. Основное исследование

Для начала сделаем оговорку, что в настоящей статье будет использоваться именно термин «правомерность правопреемства», а не «законность правопреемства», так как применение термина «законность» по отношению к международному праву не совсем корректно. Как известно, понятие законности означает соответствие закону (Гревцов, Козлихин 2008, 226). В свою очередь, закон в юридическом смысле можно определить как «вид нормативно-правового акта, который установлен высшей законодательной властью» (Гревцов, Козлихин 2008, 254), т. е. нормативно-правовой акт, принятый законодательным органом государства.

Таким образом, закон — явление внутригосударственного права. В международном праве нет никакого законодательного органа, который принимал бы нормы права. Нормы международного права рождаются из воли государств — именно государства выступают «авторами международного права» (Витцтум и др. 2015, 10). Более того, в международном праве нет такого источника, как «закон». Поэтому использование терминов «международный закон», «международное законодательство», «законность» в отношении международно-правовой сферы в корне неправильно. Законность — это категория внутригосударственного права, но, к сожалению, ее часто проецируют и на международное право.

Использование этого термина в русскоязычных версиях международно-правовых документов обусловлено не совсем точным переводом. В отношении международного права вместо термина «законность» лучше использовать более точное понятие «правомерность», поэтому в настоящей статье будет использоваться именно оно.

Суть мнения К. В. Арановского сводилась к тому, что Россия не является правопреемником СССР. Вначале судья высказал сомнение по поводу возможности правопреемства государств в отношении вины и ответственности.

Далее К. В. Арановский рассуждает о «незаконности» создания Советского государства, в том числе указывая на незаконность разгона Учредительного собрания в 1918 г., и о бесчеловечности репрессий советского режима. В итоге он приходит к выводу о том, что Россия не правопреемник СССР, она лишь заменила его на соответствующей территории.

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 31 марта, 2020. <http://www.consultant.ru>.

Конечно, можно утверждать, что данное мнение представляет собой рассуждение о правопреемстве Российской Федерации в отношении Советского Союза в конституционно-правовой парадигме, но тема правопреемства государства все-таки относится к предмету регулирования международного, а не российского конституционного права. В подтверждение тезиса о том, что проблема правопреемства государств относится именно к международному, а не к государственному, в частности к конституционному, праву, можно привести утверждение великого русского юриста-международника и дипломата Ф. Ф. Мартенса: «Государству может быть приписываема личность еще в том смысле, что оно умирает, сходит с поприща всемирной истории и выходит из международного общения. Государственное право не может предусмотреть этого факта; международное право — должно. История представляет множество примеров смерти государств. Наступление этого события ставит вопрос о наследовании умершему государству в его правах и обязанностях, разрешаемый в международном праве» (Мартенс 2008, 200).

Переходя к международному праву, дадим определение понятия «правопреемство государств». В соответствии со ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г.² (далее — Венская конвенция 1978 г.), «правопреемство государств означает смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории». Такое же определение закреплено и в ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г.³ (далее — Венская конвенция 1983 г.). Несмотря на то что в указанных международных договорах Российская Федерация не участвует, нормы, кодифицированные в них, имеют для России обычно-правовой характер.

После окончания холодной войны проблемы правопреемства государств приобрели новые особенности в связи с территориальными изменениями, произошедшими в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Эта сфера достаточно обширна, сложна и вызывает многочисленные дискуссии, что вполне объяснимо: в историческом процессе государства «умирают» и «рождаются», причем каждый случай может иметь свои особенности, которые и ставят новые вопросы перед международным правом.

Одним из вопросов, закрепленных в общих положениях существующих международных конвенций о правопреемстве государств, является проблема о правомерности правопреемства в соответствии с международным правом. В частности, такие положения закреплены в ст. 6 Венской конвенции 1978 г. и в ст. 3 Венской конвенции 1983 г.: «Настоящая Конвенция применяется только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется согласно международному праву и особенно согласно принципам международного права, воплощенным в Уставе ООН». Аналогичное положение содержится и в ст. 3 приложения к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) № 55/153 от 12.12.2000 «Граж-

² Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров, заключена 23.08.1978, вступила в силу 06.11.1996; Россия не участвует.

³ Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов, заключена 08.04.1983, не вступила в силу; Россия не участвует.

данство физических лиц в связи с правопреемством государств»⁴ (далее — Статьи о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств). Как отмечается в доктрине, это положение является основополагающим, так как определяет материальную сферу действия данных конвенций и документов (Distefano, Gaggioli, Héche 2016, 183).

Институт международного права в п. 2 ст. 2 своей резолюции «О правопреемстве государств в вопросах международной ответственности» почти дословно копирует вышеуказанное положение Венских конвенций: «Настоящая резолюция применяется только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется согласно международному праву и особенно согласно принципам международного права, воплощенными в Уставе ООН»⁵.

Остановившись на теме данной резолюции Института международного права, важно отметить, что тема правопреемства государств в отношении ответственности за международно-противоправные деяния достаточно актуальна: она стала предметом рассмотрения в Комиссии международного права ООН (КМП ООН), а специальный докладчик Павел Штурма уже подготовил по ней три доклада⁶.

Проблема правопреемства государств в отношении ответственности вызывает научную полемику. Поначалу доктрина отрицала такое правопреемство. Аргументы в поддержку данного тезиса приводятся различные, но сторонников этой теории можно разделить на три основные школы (Dumberry 2007, 38).

Сторонники первой школы проводят аналогию с внутренним правом — с теорией универсального правопреемства в частном праве (Cavaglieri 1929, 374), которая, как известно, восходит к римскому праву (Новицкий 2020, 275). Данная школа получила название теории универсального правопреемства (*universal succession theory / théorie de la succession universelle de droit privé*) (Dumberry 2007, 38). Указанная теория восходит к временам Гуго Гроция (Гроций 1994, 317) и была основной доктриной правопреемства вплоть до XIX в. (Ваттель 1960; Pufendorf 1734; Hall 1924; Wheaton 1866; Manning 1875; Phillimore 1871; Мартенс 2008; Desparget 1910; Nys 1904; Hallek 1893; Merignhac 1907; Woolsey 1899).

В вопросе ответственности сторонники данной теории также опирались на римскую концепцию универсального правопреемства. Как известно, в римском праве правопреемство по обязательствам *ex delicto* не происходило (Новицкий 2020, 267). Юристы-международники, придерживающиеся теории универсального правопреемства, переносили это правило на международно-противоправные деяния государств и приходили к выводу о том, что правопреемства государств

⁴ Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств. Приложение к Резолюции ГА ООН № 55/153 от 12.12.2000. Дата обращения 31 марта, 2020. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nationality.shtml.

⁵ Institute of International Law Resolution on State Succession in Matters of State Responsibility by the Rapporteur Marcelo G. Kohen. Дата обращения 31 марта, 2020. <https://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/05-Kohen-succession.pdf>.

⁶ ILC First report on Succession of States in respect of State responsibility of 31 May 2017 by Pavel Šturma, Special Rapporteur. Дата обращения 31 марта, 2020. <https://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/708>; ILC Second report on Succession of States in respect of State responsibility of 6 April 2018 by Pavel Šturma, Special Rapporteur. Дата обращения 31 марта, 2020. <https://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/719>; ILC Third report on Succession of States in respect of State responsibility of 2 May 2019 by Pavel Šturma, Special Rapporteur. Дата обращения 31 марта, 2020. <https://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/731>.

в отношении ответственности за международно-противоправные деяния также не происходит (Lauterpacht 1927, 131–132, 283).

Следующая теория — теория материального замещения, или теория универсального публично-правового правопреемства (*theory of organic substitution / théorie de la succession universelle de droit public*) (Dumberry 2007, 38). Сторонники данной школы также отстаивали позицию, согласно которой обязательства государства, вытекающие из ответственности, в результате правопреемства не переходят (Блюнчли 1877, 97; Fiore 1911, 141). Данная теория основывается на римской максимуме «*Actio personalis moritur cum persona*» («Личный иск (возникший из деликта) умирает вместе с лицом»), исходя из которой, исследователи призывают считать обязательства, вытекающие из ответственности за международно-противоправные деяния, «тесно связанными с личностью государства» (Dumberry 2007, 39). Поэтому исследователи приходят к выводу о невозможности перехода таких обязательств к государству-преемнику. Эта теория также нашла большой отклик в доктрине (Westlake 1904; Rivier 1896; Appleton 1895; Pradier-Fodere 1885; Marcoff 1969).

Наконец, последняя теория — так называемая негативная школа. Согласно этой теории, когда на международной сцене появляется новое государство, то оно свободно от обязательств государства-предшественника (Фердросс 1959, 263–265, 272–273; Monnier 1962, 86; Keith 1907, 6, 102; O'Connell 1956, 15–16). Сторонники данного подхода придерживаются так называемого принципа *tabula rasa*: новые государства «рождаются» свободными от обязательств государства-предшественника, в том числе от обязательств вследствие ответственности за международно-противоправные деяния. Эта теория стала достаточно популярной в период послевоенной деколонизации и была взята на вооружение новыми государствами (Bedjaoui 1970, 493).

Поначалу международно-правовая практика придерживалась позиции, согласно которой правопреемство государств в отношении ответственности невозможно, но во второй половине XX в. международно-правовая практика стала допускать в определенных случаях переход обязательств, вытекающих из ответственности, в результате правопреемства, что послужило причиной развития в доктрине новой теории, допускающей такое правопреемство государств⁷. Судья Международного суда ООН Джеймс Кроуфорд охарактеризовал подобное развитие практики и доктрины как развитие «от утверждения негативного принципа правопреемства до его частичного опровержения» (Crawford 2013, 455). Есть также мнение, что классические теории, отрицающие правопреемство в отношении ответственности, уже устарели и не учитывают современных реалий. В частности, отдельные авторы указывают, что за последнее время в праве международной ответственности государств появились новые тенденции, и произошли изменения, которые не учитываются вышеуказанными теориями (Stern 1996, 174). Более того, отдельные авторы, придерживающиеся классических «отрицательных» теорий, допускают правопреемство в отношении ответственности в случае, если государство-преемник сделало заявление о принятии на себя таких обязательств государства-предшественника.

⁷ ILC First report on Succession of States in respect of State responsibility of 31 May 2017 by Pavel Šturma, Special Rapporteur. Дата обращения 31 марта, 2020. <https://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/708>.

Чтобы показать актуальность практики по данной проблеме, можно назвать хрестоматийное арбитражное решение по делу о маяках, в котором арбитры Постоянной палаты Третейского суда в Гааге пришли к выводу, что Греция обязана нести ответственность как государство — преемник Османской империи за нарушение концессионного соглашения, заключенного между империей и некой французской компанией, после вхождения острова Крит в состав Греции в 1913 г. Приведем один пассаж этого арбитражного решения: «Признание принципа перехода прав и обязательств в качестве общего правила так же неправомерно, как и его отрицание. Это, скорее, да и по сути, вопрос, ответ на который зависит от множества конкретных факторов»⁸.

Таким образом, процитированная фраза лишний раз доказывает, что ответ на вопрос о возможности правопреемства государств в отношении ответственности не является очевидным. Однако внимания этой проблеме уделяется мало, а в российской доктрине она в принципе игнорируется.

Даже если допустить правопреемство государств в отношении ответственности за международно-противоправные деяния, то вопрос правомерности в таком случае не менее важен. Поэтому специальный докладчик КМП ООН П. Штурма посвятил этому вопросу целую главу в своем Втором докладе и предложил включить в проекты статей о правопреемстве государств в отношении ответственности за международно-противоправные деяния статью с содержанием, аналогичным ст. 6 Венской конвенции 1978 г.

Такое копирование вполне объяснимо — воспроизведение данного положения направлено на обеспечение единообразия в сфере правопреемства. Чтобы лучше разобраться в смысле этого положения, нужно обратиться к истории разработки первого договора в сфере правопреемства государств — Венской конвенции 1978 г., в частности ее ст. 6.

Вопрос о правомерности правопреемства впервые был вынесен на рассмотрение КМП ООН в 1972 г. в процессе обсуждения проблемы правопреемства части территории (впоследствии это положение было закреплено в ст. 15 Венской конвенции 1978 г.). Некоторые члены Комиссии предложили включить в текст слово «правомерно», чтобы подчеркнуть, что это положение применяется исключительно в случаях правомерной передачи. Однако предложение не встретило поддержки среди других членов КМП: по их мнению, включение понятия «правомерно» излишне, поскольку это и так подразумевается в указанном положении, но в целом члены Комиссии согласились, что данная статья применима исключительно к случаям правомерной передачи.

В итоге большинство членов КМП ООН пришли к выводу о необходимости включения данного уточнения в общие положения будущей конвенции, считав, что отсутствие уточнения могло бы быть истолковано так, что другие случаи правопреемства рассматриваются конвенцией как неправомерные, что выглядело бы абсурдным. В результате продолжительного обсуждения КМП в 1972 г. приняла положение, очень схожее с положением ст. 6 (Distefano, Gaggioli, Hêche 2016, 184–185).

⁸ Affaire relative à la concession des phares de l'Empire ottoman. Sentence arbitral du 24/27 juillet 1956. Дата обращения 1 апреля, 2020. https://legal.un.org/docs/?path=../riaa/cases/vol_XII/155-269_Concession.pdf&lang=O.

Что касается самого понятия правопреемства, то в первом докладе о правопреемстве в отношении договоров специальный докладчик сэр Фрэнсис Валлат указал, что правопреемство государств определяется как «факт смены одного государства другим», не уточняя, является ли эта смена правомерной или нет. Он также добавил, что если определение понятия «правопреемство государств» оставить без изменений, то само определение и весь проект в целом будут применимы вне зависимости от того, правомерно ли произошло правопреемство. Кроме того, докладчик предположил, что полагаться на «презумпцию правомерности», которую можно вывести из практики КМП, рискованно, поэтому важно сохранить положение, похожее на ст. 6⁹.

В процессе обсуждения положений ст. 6 на Дипломатической конференции государства представили множество замечаний и предложений по изменению текста указанной статьи, однако в итоге она была утверждена в редакции 1972 г. (Distefano, Gaggioli, Hêche 2016, 185–193).

На первый взгляд, содержание ст. 6 кажется простым, но при более внимательном анализе обнаруживаются определенные проблемы ее толкования. В доктрине данное положение также подвергалось критике (Cahier 1984). Если детально анализировать содержание данной статьи, то можно прийти к выводу, что в ней говорится о неправомерности территориальных изменений, а не самого правопреемства, вытекающего из таких изменений. Видимо, создатели Венских конвенций о правопреемстве не хотели устанавливать два вида правопреемства — правомерное и неправомерное. Но использование понятия «правопреемство» в отношении фактов смены одного государства другим, т. е. в отношении территориальных изменений, создает такие проблемы при толковании.

Очевидно, что такая ошибка в юридической технике — недоработка создателей Венских конвенций. Поэтому нужно пересмотреть понятие «правопреемство государств» в международном праве и внести необходимые изменения в существующие договоры о правопреемстве и в Статьях о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств. Эти изменения должны отражать суть правопреемства государств — юридические последствия территориальных изменений. Аналогичный подход должна использовать и Комиссия международного права при разработке статей о правопреемстве государств в отношении ответственности.

Конечно, ст. 6 играет важную роль в рамках Венской конвенции 1978 г., но вместе с тем она содержит некоторый элемент неопределенности и противоречивости. Как отмечают в доктрине, если довести этот элемент до крайности в условиях споров между государствами по поводу правомерности тех или иных территориальных изменений, то этот элемент может стать бомбой замедленного действия (Distefano, Gaggioli, Hêche 2016, 225).

Представляется правильным пересмотреть содержание ст. 6 Венской конвенции 1978 г. и ст. 3 Венской конвенции 1983 г., увязав их положения в первую очередь с такими основополагающими принципами международного права, как запрет применения силы и угрозы силой, который также предполагает, что «никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее

⁹ ILC First report on Succession of States in respect of treaties (1974). Дата обращения 1 апреля, 2020. https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_278.pdf&lang=EF.

применения, не должны признаваться законными», и принципом территориальной целостности и неприкосновенности государств¹⁰.

Таким образом, правопреемство государств будет осуществляться только в случаях правомерных территориальных изменений. Данный подход должен быть отражен в Венских конвенциях и в Статьях о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, а также должен использоваться при разработке статей о правопреемстве государств в отношении ответственности. Более того, этот подход будет соответствовать позиции ООН по вопросу территориальных изменений.

В частности, в отношении факта провозглашения независимости Южной Родезией в одностороннем порядке ГА ООН в своей резолюции заявила, что «осуждает провозглашение расистским меньшинством в Южной Родезии независимости, предпринятое им в одностороннем порядке»¹¹. Совет Безопасности ООН (СБ ООН), в свою очередь, также осудил это одностороннее провозглашение независимости и призвал все государства «не признавать незаконный режим расистского меньшинства в Южной Родезии и воздержаться от какой бы то ни было помощи этому незаконному режиму»¹². Более того, по данной ситуации в Южной Родезии СБ ООН принял еще одну резолюцию, в которой осудил «узурпацию власти расистским меньшинством поселенцев в Южной Родезии», указал, что рассматривает провозглашение независимости как «не имеющее никакой юридической силы» и призвал все государства «не признавать эту незаконную власть и не поддерживать каких-либо дипломатических или других отношений с этой незаконной властью»¹³.

Интересны также примеры провозглашения независимости так называемыми бантустанами. Как известно, бантустаны — это территории, которые использовались для резервации коренного черного населения в Южно-Африканской Республике и в Юго-Западной Африке, ныне Намибии, в рамках политики апартеида. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции № 31/6А (1976) заявила, что «решительно осуждает создание бантустанов... отвергает провозглашение “независимости” Транскея и объявляет ее недействительной; призывает все правительства отказаться от любой формы признания так называемого независимого Транскея и воздерживаться от каких-либо сношений с так называемым независимым Транскеем или другими бантустанами»¹⁴.

В другой резолюции ГА ООН указала, что «отвергает провозглашение так называемой “независимости” Транскея и Бофутатсваны, а также любые другие бантустаны, которые могут создать расистский режим Южной Африки, и объявляет их

¹⁰ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принята 24.10.1970 Резолюцией № 2625 (XXV) ГА ООН.

¹¹ Резолюция ГА ООН от 11.11.1965 № 2024 (XX) «Вопрос о Южной Родезии». Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://undocs.org/ru/A/RES/2024%28XX%29>.

¹² Резолюция СБ ООН от 12.11.1965 № 216 (1965). Дата обращения 1 апреля, 2020. [https://undocs.org/ru/S/RES/216\(1965\)](https://undocs.org/ru/S/RES/216(1965)).

¹³ Резолюция СБ ООН от 20.11.1965 № 217 (1965). Дата обращения 1 апреля, 2020. [https://undocs.org/ru/S/RES/217\(1965\)](https://undocs.org/ru/S/RES/217(1965)).

¹⁴ Резолюция ГА ООН от 26.10.1976 № 31/6А «Так называемый независимый Транскей и другие бантустаны». Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://undocs.org/ru/A/RES/31/6>.

совершенно недействительными; вновь подтверждает неотъемлемые права африканского народа Южной Африки в стране в целом»¹⁵.

Не менее интересен пример провозглашения независимости Турецкой Республики Северного Кипра. В связи с этим СБ ООН в своей резолюции указал, что данное заявление не имеет юридической силы, и призвал все государства «не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр»¹⁶. Примечательно, что неправомерность провозглашения независимости Турецкой Республики Северного Кипра была подтверждена и практикой Европейского суда по правам человека, в частности в решениях по делам «Лоизиду против Турции»¹⁷ и «Кипр против Турции»¹⁸.

Исходя из проведенного анализа, можно согласиться с позицией Института международного права: «...в случаях с незаконными образованиями, заявляющими о своей государственности, как это имело место, например, в случае Южной Родезии, не идет речи о правопреемстве государств, поскольку эти образования не могут претендовать на статус государства». В том же докладе отмечалось: «...в незаконной ситуации, например в ситуации завоевания, никакого правопреемства государств не происходит именно по причине ее незаконного характера»¹⁹.

Рассмотренный подход полностью соответствует требованию непризнания неправомерных ситуаций, закрепленному в п. 2 ст. 41 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, что также предполагает отказ как от официального, так и от подразумеваемого признания²⁰.

Однако не надо спешить с выводом, что процесс создания и прекращения существования государства регулируется достаточно определенными нормами международного права. Существует ряд спорных моментов в этой области международного права.

Конечно, самым простым с точки зрения регулирования является так называемое консенсуальное правопреемство, которое происходит с согласия государств. Но есть случаи территориальных изменений, осуществляемых в результате таких спорных явлений, как революция, вооруженный переворот, вооруженный конфликт или одностороннее провозглашение независимости. Оценка правомерности таких случаев не находит консенсуса, они всегда будут вызывать споры как между государствами, так и в доктрине. Достаточно вспомнить, как неоднозначно восприняли Консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу одностороннего провозглашения независимости Косово²¹ — в отношении право-

¹⁵ Резолюция ГА ООН от 14.12.1977 № 32/105N «Политика апартеида, проводимая правительством Южной Африки». Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://undocs.org/ru/A/RES/32/105>.

¹⁶ Резолюция СБ ООН от 18.11.1983 № 541 (1983). Дата обращения 1 апреля, 2020. [https://undocs.org/ru/S/RES/541\(1983\)](https://undocs.org/ru/S/RES/541(1983)).

¹⁷ *Loizidou v. Turkey* (App. No. 15318/89). Judgment of 18 December 1996. Дата обращения 1 апреля, 2020. <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58007>.

¹⁸ *Cyprus v. Turkey* (App. No. 25781/94). Judgment of 10 May 2001. Дата обращения 1 апреля, 2020. <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59454>.

¹⁹ Institute of International Law *Travaux préparatoires on State Succession in Matters of State Responsibility*. Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/05-Kohen-succession.pdf>.

²⁰ ILC Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. Дата обращения 1 апреля, 2020. https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/English/commentaries/9_6_2001.pdf.

²¹ *Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of*

мерности данного случая до сих не утихают споры (Milanović, Wood 2015). Достаточно вспомнить, что Международный Суд ООН указал на допустимость в международном праве одностороннего провозглашения независимости²². Однако данное заявление носит достаточно спорный характер. Вместе с тем заключение по Косово отражает проблему правомерности отделения в международном праве.

Конечно, в вопросе правомерности отделения части территории государства в международном праве существует классическая теория, в соответствии с которой международное право не разрешает, но и не запрещает отделения, т.е. нейтрально в отношении него (Milanović 2011; Tancredi 2016). Такая теория нейтральности привела к возникновению в международной доктрине следующего мнения: чтобы утвердиться как государству на международной арене, сепаратистскому движению необходимо выиграть в «войне» за независимость от «материнского» государства (Crawford 2007, 37). Исходя из такой точки зрения, вполне обоснованно и заявление Международного Суда ООН о том, что сфера применения принципа территориальной целостности ограничивается отношениями между государствами²³. Однако не все представители международно-правовой доктрины придерживаются теории нейтральности (Corten 2006).

На фоне подобных разногласий по поводу международно-правовой правомерности отделения части территории государства вполне понятно, почему до сих пор идут споры и по поводу отделения Крыма от Украины в 2014 г., и по поводу правовой квалификации распада СССР в 1991 г.

Таким образом, в ситуациях, противоречащих международному праву, вряд ли можно говорить о правопреемстве государств. На основании этого допустимо даже задуматься о наличии принципа правомерности территориальных изменений, приводящих к правопреемству государств.

Теперь, после проведенного анализа, оценим с точки зрения проанализированного материала мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В.Арановского по поводу правопреемства Российской Федерации в отношении СССР. Обратимся к первому пассажиру его мнения:

...причинение и возмещение вреда неотделимы от личности причинителя...
Словом, правопреемство в правоотношениях из причинения вреда спорно само по себе, не считая, впрочем... публичных образований, включая государства. Их условные личности свободнее допускают перемещение вины и ответственности.

Конечно, мы имеем в виду, что предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в этом деле была конституционность норм Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», т.е., по сути, нормы о деликтной ответственности в рамках внутрисударственного права.

Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010. Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf>.

²² Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010. Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf>.

²³ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010. Дата обращения 1 апреля, 2020. <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf>.

В рамках внутригосударственного права очевидно, что правопреемства в отношении деликтной ответственности нет, но в данном фрагменте К. В. Арановский допустил возможность правопреемства государств по таким обязательствам. Но, как указано выше, это уже сфера международного права, в которой речь идет в большей степени об ответственности за международно-противоправные деяния, а мнение доктрины и практики по данному вопросу полностью не устоялось. Судья выразил только одну точку зрения, которая появилась относительно недавно и не получила такой большой поддержки, как теории, отрицающие возможность правопреемства государств в отношении ответственности. Кроме того, К. В. Арановский ограничивается заявлением о том, что «личность государства» допускает правопреемство в отношении ответственности, и не аргументирует его, а потому это заявление вполне можно опровергнуть, опираясь на аргументацию «отрицающих» теорий.

Таким образом, данный пассаж представляется мало аргументированным и не отражающим того, что правопреемство государств в отношении ответственности — достаточно дискуссионная проблема. Кроме того, необычно и то, что, рассуждая об обязательствах государства в рамках ответственности по внутригосударственному праву, судья затронул проблему международного права. Поэтому упоминание о том, что «личности государств» допускают переход ответственности в результате правопреемства, кажется излишним в рамках данного мнения.

Теперь рассмотрим следующий фрагмент:

Российская Федерация не продолжает собою в праве, а заменяет на своей территории государство, незаконно однажды созданное, что и обязывает ее считаться с последствиями его деятельности, включая политические репрессии. Это являющийся правовой переход с перерывом, однако в юридическом родстве. Спорно акцентировать юридическую преемственность в этом транзитном континуитете, имея в виду стойкие смысловые референции к значению правопреемства, которые остаются в силе даже с оговорками на широкие смыслы и на особые обстоятельства.

После прочтения этого текста у внимательного читателя вполне обоснованно возникает вопрос: что означает фраза «Российская Федерация *не продолжает собою в праве, а заменяет* (курсив мой. — С. Г.-Б.) на своей территории...»? Если обратиться к определению правопреемства государств в международном праве, то в Венских конвенциях о правопреемстве, как указано выше, данное явление определяется как «смена одного государства другим». Слова «смена» и «замена» — это синонимы. Очевидно, что суть правопреемства именно в том, что на месте старого государства появляется новое, т. е. происходит именно замена одного государства другим.

На основе таких размышлений возникает еще один вопрос: что хотел этой фразой сказать судья Арановский? Скорее всего, он имел в виду, что Российская Федерация не является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик. Но с учетом определения понятия правопреемства государств этот вывод не так очевиден. По сути, факт правопреемства России в отношении Советского Союза так и не был оспорен.

Более того, может возникнуть вопрос, как этот вывод увязывается с заявлением в начале мнения о том, что допускается правопреемство государств по де-

ликтным обязательствам. Вывод судьи Арановского об отсутствии правопреемства Российской Федерации в отношении СССР прямо противоречит указанному тезису в начале его мнения.

Можно предположить, что данный вывод — попытка указать на неправомерность территориальных изменений, произошедших в результате распада СССР, но это не так — как известно, распад Советского Союза юридически закреплён в Беловежском соглашении²⁴, т. е. в соответствии с нормами международного права. Поэтому через призму этого факта заявление судьи Арановского кажется по крайней мере странным. Конечно, в рамках распада СССР есть проблемные правовые вопросы в отношении прибалтийских государств, но это тема для отдельного правового исследования, здесь нас интересуют события, коснувшиеся российской территории.

Обратимся к характеристике Советского Союза как государства, «незаконно однажды созданного». Союз Советских Социалистических Республик был создан в 1922 г. на основе Договора, заключённого между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, Украинской Социалистической Советской Республикой, Белорусской Социалистической Советской Республикой и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой²⁵. Таким образом, создание СССР соответствовало международному праву.

Что касается ссылки на незаконность разгона Учредительного собрания в 1918 г., то большевики закрепили его юридически в Декрете ВЦИК от 06.01.1918²⁶, к тому же этот эпизод относится больше к РСФСР, а не к СССР. Если говорить о Революции 1917 г., в результате которой и была создана РСФСР, то она не помешала другим государствам требовать у СССР оплаты долгов царской России, из чего следует, что они считали Советскую Россию, а потом и СССР правопреемниками царского режима.

Международное сообщество признало и правопреемство Российской Федерации по отношению к СССР, в частности, когда одобрило занятие Российской Федерацией места постоянного члена СБ ООН вместо Советского Союза. Кроме того, в результате общероссийского голосования по вопросу одобрения недавно предложенных поправок в Конституцию РФ была одобрена поправка о том, что Российская Федерация является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик²⁷. Таким образом, на сегодняшний день статус Российской Федерации как правопреемника Союза Советских Социалистических Республик закреплён и на конституционном уровне.

3. Выводы

Как видно из проанализированного материала, правомерность правопреемства государств — достаточно важный и сложный вопрос международного права. Обращение к этой проблеме судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского

²⁴ Соглашение от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств».

²⁵ Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30.12.1922.

²⁶ Декрет ВЦИК от 06.01.1918 «О роспуске Учредительного собрания».

²⁷ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

еще раз подчеркивает актуальность данной проблемы. Но сам анализ этой проблемы, представленный в мнении судьи Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П, представляется противоречивым и неглубоким. Рассмотренное мнение представляет собой скорее выражение политических взглядов судьи, а не обоснованный юридический анализ проблемы.

Библиография

- Блюнчли, Иоганн К. 1877. *Международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса*. М.: Типография Индрих.
- Ваттель, Эмер де. 1960. *Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов*. М.: Госюриздат.
- Витцтум, Вольфганг Г., Михаэль Боте, Рудольф Дольцер, Марсель Кау, Экарт Кляйн, Филип Куниг, Александер Прельсс, Штефани Шмаль, Майнхард Шрёдер. 2015. *Международное право*. М.: Инфотропик Медиа.
- Гревцов, Юрий И., Игорь Ю. Козлихин. 2008. *Энциклопедия права*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета.
- Гроций, Гуго. 1994. *О праве войны и мира*. М.: Ладомир.
- Мартенс, Федор Ф. 2008. *Современное международное право цивилизованных народов*. М.: Зерцало.
- Новицкий, Иван Б. 2020. *Римское право*. М.: Юрайт.
- Фердросс, Альфред. 1959. *Международное право*. М.: Иностранная литература.
- Appleton, Henri. 1895. *Des effets des annexions sur les dettes de l'Etat démembré ou annexé*. Paris: L. Larose.
- Bedjaoui, Mohammed. 1970. "Problèmes récents de succession d'Etats dans les Etats nouveaux". *Collected Courses of the Hague Academy of International Law* 130: 455–585.
- Cahier, Philippe. 1984. "Quelques aspects de la Convention de 1978 sur la succession d'états en matière des traités". *Mélanges Georges Perrin: Recueil de travaux offerts à M. Georges Perrin*, 63–76. Lausanne: Diffusion Payot.
- Cavaglieri, Arrigo. 1929. "Règles générales du droit de la paix". *Collected Courses of The Hague Academy of International Law* 26: 311–585.
- Corten, Olivier. 2006. "Are there gaps in the international law of secession?" *Secession: International Law Perspectives*, 231–254. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crawford, James. 2007. *The creation of states in international law*. Oxford: Oxford University Press.
- Crawford, James. 2013. *State responsibility. The general part*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Desparget, Frantz. 1910. *Cours de Droit International Public*. Paris: L. Larose et L. Tenin.
- Distefano, Giovanni, Gloria Gaggioli, Aymeric Hêche, eds. 2016. *La Convention de Vienne de 1978 sur la Succession d'États en matière de traités: Commentaire article par article et études thématiques*. In 2 vols, vol. 1. Bruxelles: Bruylant.
- Dumberry, Patrick. 2007. *State Succession to International Responsibility*. Leiden: Martinus Nijhoff Publ.
- Fiore, Pasquale. 1911. *Le droit international codifié et sa sanction juridique*. Paris: A. Pedone.
- Hall, William E. 1924. *A treatise on international law*. Oxford: The Clarendon Press.
- Hallek, Henry W. 1893. *International law*. In 2 vols, vol. 1. London: K. Paul, Trench, Trübner & Co.
- Keith, Arthur B. 1907. *The theory of state succession with specific reference to English and colonial law*. London: Waterlow and Sons.
- Lauterpacht, Hersch. 1927. *Private law sources and analogies of international law*. London: Longmans, Green and Co.
- Manning, William O. 1875. *Commentaries on the law of nations*. London: S. Sweet.
- Marcoff, Marco G. 1969. *Accession à l'indépendance et succession d'Etats aux traités internationaux*. Fribourg: Editions Universitaires.
- Merignhac, Alexandre. 1907. *Traité de droit international public*. In 2 vols, vol. 2. Paris: F. Pichon et Durand-Auzias.
- Milanović, Marko, Michael Wood, eds. 2015. *The law and politics of the Kosovo advisory opinion*. Oxford: Oxford University Press.

- Milanović, Marko. 2011. "What the Kosovo advisory opinion means for the rest of the world". *ASIL Proceedings* 105: 259–275.
- Monnier, Jean-Philippe. 1962. "La succession d'Etats en matière de responsabilité internationale". *Annuaire Français de Droit International* 8: 65–90.
- Nys, Ernest. 1904. *Le droit international: Les principes, les théories, les faits*. In 2 vols, vol. 2. Brussels: A. Castaigne.
- O'Connell, Daniel P. 1956. *The law of state succession*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Phillimore, Robert. 1871. *Commentaries on international law*. In 2 vols, vol. 1. London: Butterworth.
- Pradier-Fodere, Paul. 1885. *Traité de droit international public européen et américain*. In 2 vols, vol. 1. Paris: A. Pedone.
- Pufendorf, Samuel. 1734. *Le Droit de la nature et des gens*. In 2 vols, vol. 2. Amsterdam: Chez la veuve de Pierre de Coup.
- Rivier, Alphonse. 1896. *Principes du droit des gens*. In 2 vols, vol. 1. Paris: A. Rousseau.
- Stern, Brigitte. 1996. "La succession d'États". *Collected courses of The Hague Academy of International Law* 262: 9–437.
- Tancredi, Antonello. 2016. "In search of a fair balance between the inviolability of borders, self-determination and secession in international law". *Law, Territory and Conflict Resolution: Law as a Problem and Law as a Solution*, 90–104. Leiden: Brill Nijhoff.
- Westlake, John. 1904. *International law*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wheaton, Henry. 1866. *Elements of international law*. London: Stevens and Sons.
- Woolsey, Theodore D. 1899. *Introduction to the study of international law*. New York: Charles Scribner's Sons.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2020 г.;
рекомендована к печати 27 мая 2022 г.

Контактная информация:

Гаркуша-Божко Сергей Юльевич — юрисконсульт, магистр права;
garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru

On the question of the state succession legality

S. Yu. Garkusha-Bozhko

Russian Scientific Centre "Applied Chemistry (GIPH)"
26A, ul. Krylenko, St Petersburg, 193232, Russian Federation

For citation: Garkusha-Bozhko, Sergei Yu. 2022. "On the question of the state succession legality". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 696–711. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.307> (In Russian)

On December 10, 2019, the Constitutional Court of the Russian Federation issued Decision № 39-П, and in his opinion, judge Aranovskii described the USSR as an "illegitimately established state" and called for Russia not to be considered the legal successor of the USSR. Thus, judge Aranovskii touched upon the sphere of State succession, the regulation of which is related to international law and not to constitutional law. In particular, Aranovskii raised such problems as the legality of succession. Relevant provisions on legality are also included in existing international treaties on the succession of states, such as the 1978 Vienna Convention on the succession of states in respect to treaties and the 1983 Vienna Convention on the succession of states in respect to state property, state archives, and public debts, as well as Articles on the nationality of natural persons in relation to the succession of states. The issue of the legality of state succession was also highlighted in the second report on the issue of state succession in respect of responsibility for internationally wrongful acts by the International

Law Commission Special Rapporteur Pavel Šturma. Research on this issue is important because the provisions on Russia as the legal successor to the USSR were proposed as one of the amendments to the Constitution of the Russian Federation, which will be approved by the Russian people in an all-Russian vote. In order to make a legal assessment of the legality of state succession, it is important to analyse the history of the relevant provisions in existing international treaties, as well as to analyse the relevant international legal practice on this issue. This research will assess the reasonableness of both the opinion of Aranovskii and the corresponding amendment to the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: state succession, succession legality, the Russian Federation succession, succession in relation to responsibility, universal succession, obligations ex delicto, theory of material substitution, negative theory.

References

- Appleton, Henri. 1895. *Des effets des annexions sur les dettes de l'Etat démembré ou annexé*. Paris, L. Larose.
- Bedjaoui, Mohammed. 1970. "Problèmes récents de succession d'Etats dans les Etats nouveaux". *Collected Courses of the Hague Academy of International Law* 130: 455–585.
- Bluntschli, Johann C. 1877. *The modern international law of civilised nations presented as the code*. Moscow, Tipografia Indrikh Publ. (In Russian)
- Cahier, Philippe. 1984. "Quelques aspects de la Convention de 1978 sur la succession d'états en matière des traités". *Mélanges Georges Perrin: Recueil de travaux offerts à M. Georges Perrin*, 63–76. Lausanne, Diffusion Payot.
- Cavaglieri, Arrigo. 1929. "Règles générales du droit de la paix". *Collected Courses of The Hague Academy of International Law* 26: 311–585.
- Corten, Olivier. 2006. "Are there gaps in the international law of secession?" *Secession: International Law Perspectives*, 231–254. Cambridge, Cambridge University Press.
- Crawford, James. 2007. *The creation of states in international law*. Oxford, Oxford University Press.
- Crawford, James. 2013. *State responsibility. The general part*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Desparget, Frantz. 1910. *Cours de Droit International Public*. Paris, L. Larose et L. Tenin.
- Distefano, Giovanni, Gloria Gaggioli, Aymeric Hêche, eds. 2016. *La Convention de Vienne de 1978 sur la Succession d'États en matière de traités: Commentaire article par article et études thématiques*. In 2 vols, vol. 1. Bruxelles, Bruylant.
- Dumberry, Patrick. 2007. *State succession to international responsibility*. Leiden, Martinus Nijhoff Publ.
- Fiore, Pasquale. 1911. *Le droit international codifié et sa sanction juridique*. Paris, A. Pedone.
- Grevtsov, Iurii I., Igor' Iu. Kozlikhin. 2008. *Encyclopedia of Law*. St Petersburg, St Petersburg University Press. (In Russian)
- Grotius, Hugo. 1994. *On the law of war and peace*. Rus. ed. Moscow, Lodomir Publ. (In Russian)
- Hall, William E. 1924. *A treatise on international law*. Oxford, The Clarendon Press.
- Hallek, Henry W. 1893. *International Law*. In 2 vols, vol. 1. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co.
- Keith, Arthur B. 1907. *The theory of state succession with specific reference to English and colonial law*. London, Waterlow and Sons.
- Lauterpacht, Hersch. 1927. *Private law sources and analogies of international law*. London, Longmans, Green and Co.
- Manning, William O. 1875. *Commentaries on the law of nations*. London, S. Sweet.
- Marcoff, Marco G. 1969. *Accession à l'indépendance et succession d'Etats aux traités internationaux*. Fribourg, Editions Universitaires.
- Martens, Fedor F. 2008. *The contemporary international law of civilised nations*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Merignhac, Alexandre. 1907. *Traité de droit international public*. In 2 vols, vol. 2. Paris, F. Pichon et Durand-Auzias.
- Milanović, Marko, Michael Wood, eds. 2015. *The law and politics of the Kosovo advisory opinion*. Oxford, Oxford University Press.

- Milanović, Marko. 2011. "What the Kosovo advisory opinion means for the rest of the world". *ASIL Proceedings* 105: 259–275.
- Monnier, Jean-Philippe. 1962. "La succession d'Etats en matière de responsabilité internationale". *Annuaire Français de Droit International* 8: 65–90.
- Novitskii, Ivan B. 2020. *Roman law*. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Nys, Ernest. 1904. *Le droit international: Les principes, les théories, les faits*. In 2 vols, vol. 2. Brussels, A. Cas-taigne.
- O'Connell, Daniel P. 1956. *The law of state succession*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Phillimore, Robert. 1871. *Commentaries on international law*. In 2 vols, vol. 1. London, Butterworth.
- Pradier-Fodere, Paul. 1885. *Traité de droit international public européen et américain*. In 2 vols, vol. 1. Paris, A. Pedone.
- Pufendorf, Samuel. 1734. *Le Droit de la nature et des gens*. In 2 vols, vol. 2. Amsterdam, Chez la veuve de Pierre de Coup.
- Rivier, Alphonse. 1896. *Principes du droit des gens*. In 2 vols, vol. 1. Paris, A. Rousseau.
- Stern, Brigitte. 1996. "La succession d'États". *Collected Courses of The Hague Academy of International Law* 262: 9–437.
- Tancredi, Antonello. 2016. "In search of a fair balance between the inviolability of borders, self-determination and secession in international law". *Law, Territory and Conflict Resolution: Law as a Problem and Law as a Solution*, 90–104. Leiden, Brill Nijhoff.
- Vattel, Emer de. 1960. *The law of nations: or, Principles of the law of nature applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns*. Rus. ed. Moscow, Gosiurizdat Publ. (In Russian)
- Verdross, Alfred. 1959. *Völkerrecht*. Rus. ed. Moscow, Inostrannaia literatura Publ. (In Russian)
- Vitzthum, Wolfgang G., Michael Bothe, Rudolf Dolzer, Marcel Kau, Eckart Klein, Philip Kunig, Alexander Proelß, Stefanie Schmahl, Meinhard Schröder. 2015. *Völkerrecht*. Rus. ed. Moscow, Infotropik Media Publ. (In Russian)
- Westlake, John. 1904. *International law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Wheaton, Henry. 1866. *Elements of international law*. London, Stevens and Sons.
- Woolsey, Theodore D. 1899. *Introduction to the study of international law*. New York, Charles Scribner's Sons.

Received: April 4, 2020
Accepted: May 27, 2022

Author's information:

Sergei Yu. Garkusha-Bozhko — Legal Counsel, LLM; garkusha-bozhko.sergej@yandex.ru